Е. В. Пашков

ПЬЯНСТВО В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье освещаются формы и специфика потребления алкоголя разными группами населения в сельской и в городской местности России конца XIX − начала XX в. Особое внимание уделяется выявлению наиболее значимых праздников для русских крестьян, с которыми совпадали пики потребления водки.

Ключевые слова: ритуальное пьянство, водка, праздники, хулиганство.

Evgeniy V. Pashkov

Hard Drinking in Russia in the end 19 th century and the beginning of the 20 th century

The article discusses forms and specific of consumption alcohol various groups of population in the country and in the urban locality of Russia in the end of the 19th and the beginning of the 20th century. Special emphasis is placed on the elucidation the most significance holidays of Russian peasants, which coincides with top- level of the consumption of vodka.

Key words: ritual drunkenness, vodka, holidays, hooliganism.

В сельской местности в указанный период существовало так называемое ритуальное пьянство, происходившее в праздники и во время важных событий и торжеств. Высокое потребление крепкого алкоголя происходило «во время 4-х больших семидневных ярмарок и предпраздничных базаров в Пятницы пред праздником Рождества Христова, под Крещение, на Масляной неделе и [в] страстную, а также [в] еженедельные воскресные базары. Во время ярмарок можно считать, что половина всего выпущенного в эти дни вина идет в тайную продажу, так как все дома вокруг площади и на близлежащих улицах заняты приезжими и везде, особенно по закрытии лавок, вечером идет усиленное пьянство»* [3, *ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 16об.−35об.*] «На Браиловском волостном сходе, собранном в 1901 г. для выборов, крестьяне заявили мировому посреднику, что ни одно дело в [волостном] суде не может быть выиграно, если не будет поднесено угощение судьям». Заинтересованные стороны угощали и свидетелей, приглашенных на суд [6, *ф. 575, оп. 2, д. 2418, л. 2, 3об.*]. «Замечается… случаи большого развития тайной торговли [водкой] в селениях, жители коих занимаются кустарными промыслами, когда в интересах сбережения времени кустари пользуются услугами лиц, чаще женщин, предлагающих вино с некоторым повышением против действительной его стоимости» [3, *ф. 37, оп. 1, д. 778, л. 5−6*]. Для поощрения рабочих экономий их администрация выдавала первым в виде магарычей спирт или водку [6, *ф. 575, оп. 6, д. 10, л. 32об.−33*].

В начале 1906 г. Оренбургский муфтий обратился в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСиКПП) с просьбой о закрытии казенных винных и пивных лавок в мусульманских селениях Оренбургской, Уфимской и Казанской губерний, приводя «то соображение, что винные лавки, представляя собой соблазн для людей молодых и слабохарактерных, приучают их к пьянству, принося тем нравственный и материальный вред населению». ГУНСиКПП в данной просьбе отказало, мотивируя свое решение неизбежным значительным развитием незаконной продажи водки в случае закрытия легаль-

ной торговли. В июле муфтий направил в вышеуказанное ведомство очередное прошение «о закрытии винных и пивных лавок в 10-ти населенных магометанами деревнях [Уфимской губернии]» ввиду того, что к нему продолжали «поступать настойчивые заявления о неудовольствии со стороны мусульманского населения существованием винных и пивных лавок в мусульманских селениях, жители которых давно поняли вред заведений этого рода…» [6, ф. 575, оп. 2, д. *2240*, л. 12 об., 29]. Управляющий акцизными сборами Уфимской губернии в марте 1908 г. сообщил в ГУНСиКПП информацию о враждебности мусульманского населения к питейным заведениям и угрозах его сжечь винные лавки [6, ф. 575, оп. 2, д. 2240, л. 60]. В то же время имам одной из самых алкоголизированных деревень Казанского уезда обратился к муфтию с заявлением, в котором сообщал, что «…в деревне… из мусульман очень много пьющих, последствием чего является неизбежная развращенность населения, по субботам даже опасно ходить в мечеть, так как по улицам разгуливает с бранью и ругательством масса пьяных, являясь в полночь к своим женам, пьяные в оборванном виде и зачастую окровавленные, обижают жен…, когда же, по жалобе жен, … имам… требует виновных, последние отвечают отрицательно… [наблюдается] самовольный уход жен от своих мужей очень часто в селении, … имам полагает, что ни в одном из мусульманских селений не может быть такого безобразия… и положение имама в таком селении самое печальное, по пятницам он… за полчаса до установленного времени приходит в мечеть и делает увещевания прихожанам о воздержании… от пьянства…» [6, *ф. 575, оп. 2, д. 2240, л. 70*]. ГУНСиКПП отказал муфтию в последнем прошении, тогда он приехал в Петербург и лично обратился к министру внутренних дел П. А. Столыпину с просьбой о содействии. Последний в письме к министру финансов В. Н. Коковцову изложил прошение муфтия, признав «с своей стороны изложенное ходатайство заслуживающим полного внимания» и попросив уведомить его о распоряжении министра финансов по данному вопросу [6, *ф. 575, оп. 2, д. 2240, л. 29 об.*]. В итоге из списка муфтия питейная торговля была закрыта только в селениях с исключительно магометанским населением, о чем Коковцов и уведомил Столыпина [6, *ф. 575, оп. 2, д. 2240, л. 79–80 об.*]

Потребление алкоголя в деревне было более сезонно, чем в городе, имея четкую зависимость от Великого поста и сельскохозяйственного цикла, так как для селян главным, а чаще — единственным источником средств для приобретения водки и спирта, являлось земледелие. Пик продаж казенных питей наблюдался в сентябре — октябре, но в сельской местности он являлся более выраженным, например, в «селениях» Тульской губернии на 1911 г. в сентябре было продано 12% спирта и водки от всего сельского оборота, а в городах — 10,5 — соответственно от городского. Указанный пик объясняется тем, что сентябрь — это время сбора урожая, часть которого крестьяне пропивали, а октябрь — сезон деревенских свадеб, немыслимых без водки. По данным управляющего акцизными сборами Уфимской губернии за 1914 г., «пьянство усиливается именно осенью. Казенная водка удачно вытесняет все изобретенные… и, несомненно, менее вредные хмельные напитки… домашнюю брагу варить «почти что бросают». …урожай, следующий за неурожаем, способствует подъему потребления алкоголя в большей мере, чем таковой же точно урожай, но следующий за годом тоже урожайным» [6, *ф. 575, оп. 6, д. 856, л. 41–41 об.*]. Годовой минимум потребления по Тульской губернии на 1911 г. приходился на март — 4,1% в деревне и 6,1% — в городе, что было следствием Великого поста. Февральский рост потребления с 6,9% до 7,7% (подсчеты сделаны по [2, *ф. 550, оп. 3, д. 432, л. 30 об.*]), видимо, объясняется вторым сезоном деревенских свадеб.

Нами проанализирован дневник продавца казенной винной лавки № 289, находившейся в селе Никольском района Ефремовского казенного винного склада Тульской губернии за 1912, 1913 и январь — июль 1914 г. (до закрытия лавки с началом мобилизации). Благодаря данному источнику нами выявлены суточные пики продаж казенной водки во всех видах посуды. Нашим очевидным предположением были совпадения или связь пиков с праздниками того времени. Из общеправославных и государственнных праздников наиболее высокие закупки оказались связаны с 26 сентября (Преставление Иоанна Богослова). В 1913 г., 24 сентября (26 сентября казенные винные лавки не работали), закупки водки составили в процентах от среднесуточного: 854 (1/4 ведра), 344 (1/40), 222 (1/100), 650 (1/200); 25 сентября — соответственно: 831 (1/4 ведра), 356 (1/40), 1196 (1/100) и 1800 (1/200). В 1912 г., 25 сентября 3000 (1/4), 384 (1/20), 263 (1/40) и 345 (1/100). Следует учитывать, что в сентябре, как сказано выше, были самые высокие закупки водки, причем практически ежедневно и во всех видах посуды, что во многом и обеспечило столь «обильное» празднование Преставления Иоанна Богослова. Вне такой связи находились, видимо, самые главные праздники русских крестьян: День памяти (9 мая) и День обретения Николая Чудотворца (6 декабря). 8 мая 1912 г. продажи составили: 1400 (1/4), 351 (1/20), 301 (1/40). 9 мая: 280 (1/4), по двадцаткам и сороковкам был завоз, поэтому величины продаж определить невозможно; 505 (1/100). 7 мая 1913 г.: 646 (1/4), по остальным видам посуды был завоз. 9-го: 262 (1/4), 838 (1/20), по сороковкам был завоз, и 843 (1/100). 7 мая 1914 г.: 1050 (1/4), 286 (1/20). 8-го: 917 (1/4), 741 (1/20). 10-го (9-го лавка не работала): 575 (1/4), 668 (1/20). 6 декабря 1912 г.: 1080 (1/4), по остальным видам посуды — завоз. 8-го: 310 (1/4), 491 (1/20). 5 декабря 1913 г.: 1115 (1/4), по двадцаткам — завоз. 7-го (6-го лавка не работала): 646 (1/4), 337 (1/20). Таким образом, закупки водки, связанные с днями Николая Чудотворца, осуществлялись, как правило, в самой крупной посуде, что, вероятно, говорит о домашнем праздновании данных дат, которое продолжалось в течение двух-трех дней.

Дневник не содержит однозначных данных о широте празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. 25 июля 1912 г. были огромные продажи водки в четвертях — 10 060% от среднесуточного, при том, что по остальным видам посуды — ниже суточной нормы; но официальное празднование юбилея началось с 26 августа — дня Бородинской битвы. 28 и 29-го закупки оказались идентичными: 330 (1/4), 158 (1/20), 105 (1/40), 70 (1/100), 100 (1/200). 31 августа, 2-го, 4 и 5 сентября от 300 до 400% — в четвертях; в 1/20 соответственно: 160, 61, 60, 63; в 1/40: 104, 188, 189, 187; в 1/100: 65, 175, 180, 170; в 1/200: 75, 100, 100, 100. 24 августа 1913 г. (26-го лавка не работала): 800 (1/4), 790 (1/20), 500 (1/40), 617 (1/100), 950 (1/200).

Среди наиболее почитаемых праздников русских крестьян, если судить по объемам закупленной водки, находились такие важнейшие официальные даты, как: Венчание на царство (14 мая) и Восшествие на престол Николая II (20 октября). 12 мая 1912 г. (13-го и 14-го лавка была закрыта): 440 (1/4), 211 (1/20), 183 (1/40) и 1250 (1/100). 13 мая 1913 г.: 215 (1/4), 331 (1/20). В 1914 г. рядом с 14 мая оказался праздник Вознесения Христа (12 мая), поэтому пики продаж обнаружены 10 мая: 575 (1/4), 668 (1/20), 123 (1/40), 126 (1/100) и 12 мая (13 и 14-го лавка не работала): по четвертям — завоз, 149 (1/20), 102 (1/40), 247 (1/100). 19 октября 1912 г. (20 октября: лавка была закрыта): 180 (1/4), 212 (1/20), 347 (1/40) и 470 (1/100). 21-го: 280 (1/4), 256 (1/20). 21 октября 1913 г.: по четвертям — завоз, 459 (1/20) и 293 (1/40). Среди пиков продаж, связанных с данными праздниками, есть очень высокие величины покупки в мелкой посуде, прежде всего, в 1912 г., что определя-

лось высоким урожаем 1911 г. Это, видимо, говорит о более уличном праздновании данных дат в сравнении с предыдущими. Празднование Восшествия на престол Николая II сильно зависело от урожая, а празднование коронации плавно вытекало из гуляний на «Николу». Таким образом, майские гуляния длились непрерывно до 7–8 дней. Широко крестьяне отмечали и 300-летие Романовых. 21, 23, 24 и 26 февраля 1913 г. отпуски водки составляли от 250 до 330% от среднесуточного во всех видах посуды, кроме самой мелкой, — 1/200 ведра. Но весьма вероятно, что во время романовских торжеств определенное количество водки раздавалось бесплатно, так как проценты отпущенной водки в указанные дни были почти идентичны.

Пики закупок водки, связанные с Пасхой, сильно зависели от урожая хлебов. На Пасху 1913 г. и на ближайшие к ней дни повышенных закупок казенных питей нами вообще не обнаружено, что, вероятно, было обусловлено как низким урожаем, так и недавно прошедшим 300-летием Романовых. 28 марта 1912 г. (Пасха была 26-го, и лавка в этот день и 27-го была закрыта): 370 (1/4), 247 (1/20), 477 (1/40), 295 (1/100), 225 (1/200). 1 апреля 1914 г. (Пасха была 2-го): 50 (1/4), 249 (1/20), 139 (1/40), 42 (1/100). 3-го: 83 (1/4), 332 (1/20), 176 (1/40), 84 (1/100). 5-го: 250 (1/4), 611 (1/20), 224 (1/40), 100 (1/100). Таким образом, при высоком урожае в хозяйственном году закупки водки, связанные с Пасхой, производились в близких величинах во всех видах посуды в течение нескольких дней. Низкий процент продаж в четвертях в 1914 г., вероятно, объясняется антиалкогольной кампанией, в рамках которой шла усиленная борьба с незаконной торговлей водкой и ограничивались продажи в крупной посуде, в которой, как правило, закупали пития шинкарщики. Из праздников, связанных с Пасхой, наиболее высокие закупки были на Троицу и День Святого Духа. 12 апреля 1912 г. (Троица — 15-го, когда лавка не работала; День Святого Духа — 16-го): 80 (1/4), 54 (1/20), 135 (1/40), 355 (1/100). 16-го: 60 (1/4), 40 (1/20), 97 (1/40), 290 (1/100). 5 июня 1913 г. (Троица): 308 (1/4), 152 (1/100). 6-го (День Святого Духа): 308 (1/4), 139 (1/100). 23 мая 1914 г. (День Святого Духа, на Троицу — 22 мая лавка не работала): 417 (1/4), 211 (1/20). 24-го: 658 (1/4), 389 (1/20), 207 (1/40), 658 (1/100).

Сильно зависело от урожая и празднование Покрова Богородицы (1 октября). В 1912 г. пик закупок, связанный с данным праздником, отсутствует. А 1 октября 1913 г.: 177 (1/4), 306 (1/20), 544 (1/40), 196 (1/100), 200 (1/200). 2-го: 38 (1/4), 334 (1/20), 215 (1/40), 2350 (1/200).

Высокие закупки обнаружены нами на Сретение (2 февраля). 3 февраля 1912 г. (2-го лавка не работала): 360 (1/4), 223 (1/20), 134 (1/40), 120 (1/100), 100 (1/200). В 1913 г., видимо, из-за низкого урожая, пик на Сретение отсутствует. 2 февраля 1914 г.: 308 (1/4), 257 (1/20), 108 (1/40), 58 (1/100).

Продажи водки, связанные с Рождеством, вероятно, сильно зависели от урожая; если он был низкий, как в 1912 г., то пик закупок вообще отсутствовал, а 24 декабря 1913 г. (25-го лавка не работала): 215 (1/4), 459 (1/20), 292 (1/40), 161 (1/100), т. е. пик наблюдался только по двадцаткам. Пики, связанные с Крещением, практически отсутствовали.

В сентябре — октябре 1912 г. закупки были ежедневно высокие во всех видах посуды, за исключением двухсоток, составляя в среднем 200% от среднесуточного (подсчеты сделаны по [2, ф. 129, оп. 4, д. 3, л. 1 об.–27 об.]). В те же месяцы 1913 г. продажи оказались гораздо менее равномерны с большим количеством ярко выраженных пиков. Указанные различия, скорее всего, обусловлены низким урожаем 1913 г.

Для характеристики отношения крестьян к ритуальному пьянству приведем следующие факты. Рост потребления водки в 1906 г. объясняется в «Обзоре Орловской губернии» следующим образом: «…несмо-

тря на экономический кризис, вызванный главным образом повторным неурожаем хлебов, населением… в отчетном году потреблено вина больше предшествующих лет; для объяснения этого обстоятельства в [Губернском статистическом] комитете не имеется никаких достаточно достоверных данных, но возможно предположить, что главную роль в этом явлении невольно сыграл именно неурожай и выдававшиеся вследствие этого пособия населению. Крестьяне, доведенные до полного разорения рядом неурожайных лет, получив пособия хлебом, зачастую перепродавали его на месте же, конечно, за низкую цену. Вырученные… деньги трудно было выбивающемуся из нормальной жизни крестьянину употребить на нужды голодной семьи — деньги пропивались, нужда еще более увеличивалась, люди озлоблялись, а в результате пропивались и те последние крохи, которые еще уцелели в разоренном хозяйстве» [4, *ф. 580, оп. 1, д. 3267, л. 13 об.–14*]. Весьма оригинальное объяснение причин пропития продовольственных ссуд крестьянами дал Рязанский Губстаткомитет, по мнению которого, водка «…является большим подспорьем в питании при недостатке хлебных продуктов у беднейшего класса населения» [5, с. 106 (*паг. 2-я*)]. На наш взгляд, крестьяне пропивали продовольственные ссуды не с горя и не для того, чтобы питаться вместо хлеба водкой. Чиновники Губстаткомитетов не понимали менталитета селян, которые не делали зерновых запасов, пропивая излишки на свадьбах и праздниках, и преувеличивали крестьянские тяготы. «По свидетельству жителя деревни, “побывать на празднике” считают долгом. Приготовиться к празднику, как бы это не было трудно, а надо. Бедный должен купить четверть ведра водки простой и бутылку “красной”, средний — полведра водки и четверть “красной”, зажиточный — ведро водки и четверть ведра красной. Богатый — 2–3 ведра простой и полведра “красной”» [1, с. 166]. Священник А. Кудрявцев из Курской губернии в ответе на анкету Этнографического бюро в 1899 г. сообщал: «Свадьба обходится в 60 руб. Самый бедный крестьянин покупает на свадьбу 4–5 ведер водки. Обильная попойка при браке поддерживается отчасти крестьянским самолюбием, старанием не ударить лицом в грязь, показать себя, особенно перед новой родней, перед людьми другого прихода, другой местности: “смотри, дескать, как мы гуляем”. Стремление крестьянина гульнуть на “широкую ногу”, отметить праздник “не хуже, чем у других” являлось доминантой в повседневном поведении крестьянина» [1, *с. 170*]. В этой связи отметим наивысшее майское потребление водки в Европейской России в 1906 г. Дело в том, что День памяти Николая Чудотворца — «Никола» (9 мая) — и День коронации Николая II (14 мая) были, как выше указано, самыми почитаемыми праздниками русских крестьян, если судить по объемам закупленной водки в близкие дни к данным датам.

Во всеподданнейшем отчете о состоянии Псковской губернии за 1912 г. начальник последней указал на широко развившиеся в сельских местностях «за последнее время хулиганского характера» преступления, совершающиеся большей частью в пьяном виде [6, *ф. 575, оп. 6, д. 72, л. 3 об.*]. Среди «общих условий, благоприятствующих развитию хулиганства в сельских местностях», тульский губернатор назвал «пьянство, особенно в базарные дни и во время храмовых праздников, и наличность в деревнях заведений трактирного промысла и шинок». Один из уездных исправников сообщил начальнику губернии, что «во время храмовых и иных праздников — пьянство поголовное в течение 3–4 дней» [2, *ф. 90, оп. 1, д. 39348, л. 175*]. «В городах деревенская молодежь заработки свои пропивает и ведет разгульный образ жизни, громадное большинство молодежи домой родителям денег не подает, не помогает и зачастую бросает своих жен» [2, *ф. 90, оп. 1, д. 39348, л. 12*].

28 августа 1900 г. архангельский губернатор сообщил начальнику ГУНСиКПП

С. Маркову о «традиционном и безобразном пьянстве во время рыбных промыслов по Мурманскому берегу». «В прежнее время в большом ходу был на Мурмане так называемый норвежский ром; ввоз его и потребление как продукта, признанного вредным для здоровья, был воспрещен. Ром заменила в настоящее время русская водка. Пробовали совсем запрещать продажу вина на Мурмане, но это не сократило его потребления, и не устранило пьянства; водка ввозилась явно в виде судовой провизии и для собственного потребления и тайно для продажи. …и промышленники пьянствуют безобразно, как и прежде. Водка получается по старой памяти из Архангельска по большей части тайно небольшими количествами в 1–3 ведра в бочках с солью, мукой и проч. … Пароходы Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, совершая еженедельные рейсы вдоль берегов Мурмана, развозят таким образом, по имеющимся сведениям, каждый раз по становищам по нескольку сот ведер водки. Существует, конечно, и тайная продажа вина по мелочам, и отпуск вина в обмен на рыбу… Успешное потребление вина на Мурмане объясняется суровыми климатическими условиями, условиями самого рыбного промысла в холоде и сырости, причем усиленный тяжелый труд сменяется нередко полным бездействием за невозможностью выехать в море на промысел по случаю непогоды, отсутствия рыбы или наживки и проч. Свободное в таких случаях время не заполняется какими-либо другими занятиями или развлечениями, не представляет даже отдыха, потому что промышленники ютятся в крайне тесных, грязных и сырых временных помещениях. При таких условиях водка является спасительным средством к забвению всех лишений и невзгод, а затем является привычка и, пожалуй, до известной степени распущенность. Бестолковому пьянству способствует также то, что во время промыслов на Мурмане все делается урывками, урывками производится промысел с появлением рыбы, в случае благоприятной погоды, обильный случайный улов дает разом счастливцу огромный заработок, который сопровождается на радостях прежде всего пьянством. Самая водка появляется в становищах тоже урывками с прибытием пароходов» [6, *ф. 575, оп. 3, д. 4099, л. 17–19*].

В 1903 г. в своем ходатайстве в Министерство финансов Тобольский губернатор указал, что «жители Березовского и Сургутского уездов, преимущественно остяки и самоеды, с давних времен спаиваются поселившимися там русскими, а также приезжающими на рыбные промыслы купцами. Все сделки с инородцами: по аренде рыбных песков, найму в работники, скупке пушнины… всегда сопровождаются угощением водкой очень дурного качества, настоянной на табаке, и совершаются только тогда, когда опьяненный инородец не в состоянии сообразить невыгодности предъявленных ему условий…» [6, *ф. 575, оп. 6, д. 563, л. 4 об.*].

Потребление алкоголя в городе качественно отличалось от сельского: оно было заметно выше на душу населения и более регулярным, что объяснялось, в основном, тем, что работающие горожане, в отличие от селян, имели постоянный и более высокий доход.

15 марта 1906 г. управляющий акцизными сборами Уфимской губернии доложил начальнику ГУНСиКПП о том, что «пьянство в народе, действительно, заметно усилилось. В настоящее время в увеличении пьянства очень видную роль играет пиво. Так в 1894 г. выварено было 31 миллион ведер при 9 тысячах пивных лавок, а в 1903 г. — 58 миллионов при 29 тысячах лавок. При казенной монополии стала поощряться пивная торговля: дана возможность заняться этой отраслью промышленности бывшим виноторговцам… Пивом напиваются так же, как и вином /о чем я уже докладывал из Астрахани/, причем комфорт пивных лавок, кампания с устными и газетными новостями представляют слишком много соблазна для безвольных

лиц — особенно рабочих в городах. В деревне и надзора никакого нет. Домашнее употребление пива [на селе. — *Е. П.*] вытесняется “пивной”» [6, *ф. 575, оп. 2, д. 2207, л. 37–38*]. «С изданием закона 22 апреля 1906 года, передавшего городским самоуправлениям право на разрешение мест торговли пивом в городах, число пивных лавок в городских поселениях возросло до чрезмерных пределов…». Стремление к прибыли заставляло содержателей пивных лавок применять разные приманки «для рабочего люда в виде граммофонов, музыкантов и даже певцов и певиц», продавать водку, допускать карточные игры и проституцию. «Издаваемые городами обязательные постановления об устройстве и содержании пивных лавок далеко не так строги, как действовавшие до введения нового порядка, а главное, за исполнением их никто не следит. Поэтому зачастую пивные лавки… [располагаются] на удаленных от центра [города] улицах, помещаются в грязных, тесных, низких, вообще в неподходящих зданиях…» [6, *ф. 575, оп. 6, д. 856, л. 23–23 об.*].

«Наблюдая обычное течение жизни населения [уездных городов — *Е. П.*] во всех отраслях труда и промыслов, — сообщал в письме в ГУНСиКПП 27 августа 1914 г. управляющий акцизными сборами Витебской губернии, — мы замечаем, что правильный ход ее налаживается постоянно к концу недели, сменяется буйным припадком пьяного угара в воскресенье, влечет за собой похмелье в понедельник и ближайшие дни и снова выравнивается к концу недели. При посещении трактиров и пивных лавок в будние я поражаюсь их пустотой и полным затишьем в торговле, и только в воскресенье праздность населения позволяет содержателям частных питейных заведений оправдывать свои расходы по найму…» [6, *ф. 575, оп. 6, д. 838, л. 32 об.*].

Нами найдены факты злоупотребления алкоголем чиновниками. 2 апреля 1903 г. управляющий акцизными сборами Орловской губернии обратился с секретным письмом к окружным акцизным надзирателям, в котором сообщил, что имеет «положительные и проверенные сведения, что некоторые из чинов акцизного надзора ведут нетрезвый образ жизни, пьют не в меру, производя в нетрезвом виде даже и скандалы, занимают деньги у заводчиков или заводоуправлений, а также у заведующих казенными винными лавками, ведут расходы не посредствам и прочее. Я знаю о многих таких личностях, но между тем все, что я знаю, то знаю не от надзирателей, а из других источников…» [4, *ф. 497, оп. 1, д. 45, л. 9*]. В мае 1914 г. священник Иоанн Хохлов совершил поездку по Амуру и Уссурийскому краю с целью антиалкогольной пропаганды. В своем отчете он отметил следующее происшествие: «Во время поездки по Амуру на пристани Черняево пришлось быть свидетелем прискорбного случая, лишний раз доказавшего, что алкоголь из любого человека может сделать дикого зверя и что ни образование, ни социальное положение не могут застраховать любящего “выпить” от превращения в скота. Ночью пароход пристал в Черняеве, чтобы сдать и взять почту. Чиновники местной таможенной заставы Станкевич и Изерский с дамами вошли на пароход и, несмотря на позднее время и что большинство пассажиров спали, заняли салон I-го класса, начали распивать шампанское, петь, бренчать на пианино, шуметь и безобразничать. Когда командир парохода попросил их сойти с парохода, они изругали его и сошли только после третьего свистка, да и то не все. Пьяный Изерский, помощник начальника заставы, не хотел сходить, требовал, чтобы командир задержал пароход, пока они еще бутылочку выпьют. Командир приказал убирать сходни. Изерский бросился с парохода по сходням, выхватил револьвер Нагана и, наведя его на бедного, безоружного матроса, свирепо закричал: “Если двинешься с места, убью как собаку”. Все замерли от ужаса. Я же, при виде такого безобразия, не вытерпел и невольно вскрикнул: “Как не стыд-

но русскому чиновнику поднимать оружие на беззащитного”. Тогда Изерский моментально навел револьвер на толпу пассажиров, где был я и начал кричать, ругаться и угрожать, что перестреляет всех. Станкевич же, вместо того, чтобы образумить своего помощника, сам подзадоривал его и кричал: “Стреляй их, мерзавцев”. Пассажиры моментально оттеснили меня с освещенного места на пароходе и сами расступились… острый момент прошел, помощник командира свел Изерского со сходней, и пьяная ватага… удалилась… Говорят, что такие инциденты не в диковинку на Амуре, что все это… безнаказанно сходит, что не так давно, и едва ли не те же буяны, устроили было форменное сражение с казенным пароходом» [6, *ф. 575, оп. 6, д. 860, л. 116–118*].

* В приводимых цитатах сохранены орфография и пунктуация авторов. (*Ред.*)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX в.). М.; Тамбов, 2004.
2. Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив».
3. Государственный архив Курской области.
4. Государственный архив Орловской области.
5. Обзор Рязанской губернии за 1906 год. Рязань, 1907.
6. Российский государственный исторический архив.

REFERENCES

1. *Bezgin V. B.* Krest'janskaja povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX v.). M. — Tambov, 2004.
2. Gosudarstvennoe arhivnoe uchrezhdenie Tul'skoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv».
3. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti.
4. Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti.
5. Obzor Rjazanskoj gubernii za 1906 god. Rjazan’, 1907.
6. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.

И. Л. Кислицына

ПОЛЕМИКА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ» И ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ АНАРХИЗМА М. А. БАКУНИНА

Автор представляет анализ полемики между двумя теоретиками русского народничества — А. И. Герценом и М. А. Бакуниным с целью определения соотношения анархизма Бакунина и общественно-политических взглядов Герцена второй половины 1860-х годов, установления содержания и теоретического значения бакунизма и его места в истории русской и мировой общественной мысли.

Ключевые слова: теория революционного анархизма М. А. Бакунина, общественно-политические взгляды А. И. Герцена, социалистическая идеология, демократия, история русской и мировой общественной мысли.